

Встреча с Анной Николаевной состоялась 5 июля 2019 года. Встрече она обрадовалась. Вот уже два года Анна Николаевна не может выходить из своей квартиры на втором этаже. Альбом с фотографиями и внушительная стопа Почётных грамот уже лежали на стуле у дивана. Нет, не к нашей встрече она достала из шкафа документы. Чтение газет, а их Анна Николаевна выписывает регулярно и внимательно прочитывает, телевизор, телефон да вот эти документы – последнее время единственные собеседники.

Июльские дни холодные, идёт дождь, и в квартире Анны Николаевны тоже прохладно. На ногах валенки, укутана в тёплую кофту. Рядом – ходунки. Только с ними она передвигается по квартире.

В декабре Анне Николаевне исполнится 98 лет. Но её память удивительно светлая, речь интересная, иногда с юморком.

Рассматриваем фотографии, она рассказывает, когда были сделаны снимки, кто на них.

- Родилась я в деревне Перницы. В семье было пятеро детей, двое умерли, остались сестра Тоня и брат Вася. Мама работала в колхозе, зарабатывала трудодни. Папа жил в Ленинграде, нам не помогал. Он был хороший специалист по железу, но пьяница. Осенью мама получала зерно – плата за трудодни. Сколько получала – зависело от трудодней и от урожая.

Зарабатывала она немного – работала в полеводстве, там не заработаешь.

Много трудодней было только у тех, кто работал на ферме. Зерно мы иногда досушивали, иногда нет – какое дадут, потом мололи его на жерновах. Один камень большой и плоский, другой поменьше сверху с отверстием. В него засыпали зерно и крутили. Получалась мука. Эти жернова и амбар до сих пор сохранились в деревне. И дом сохранился, где мы жили.

В школу я пошла в соседнюю деревню Малышева Гора. Там была начальная школа. Окончила три класса, училась хорошо. Потом в Рудно, там была семилетняя школа. Окончила в 1937 году. Поехала в Ленинград, там папа, родственники все. Они сбежали из деревни, когда началась коллективизация, в 29-30 годы. Приехала к маминной сестре тёте Груше, Агриппине. У неё семь человек семья. Поездили по техникумам. Мне всё равно было в какой техникум, только бы из деревни уехать. Тогда не было понятия, что я хочу быть учителем или врачом. Ездили-ездили, везде меня принимают, потому что у меня в дипломе было только две четвёрки, остальные пятёрки. Тогда были не аттестаты, дипломы. В любой техникум могла поступить, а жить негде было. Мне ещё не было 16 лет, общежитие не давали. В техникум – пожалуйста, а в общежитие – нет. И у тётки остаться не могла, у неё было тесно, мальчишки на полу спали.

Приехала обратно. Июнь прошёл, июль. Наступил август. Директором школы в Рудно был Яковлев Владимир Яковлевич, вечная ему память! Собрал всех, кто никуда не поступил. Нас было семь человек. Одни

девчонки. И сказал нам: «Поезжайте в Гдов, я договорился с директором Гдовского педучилища, сдадите экзамены - будете там учиться». Мы поехали. Поступили. Нам дали общежитие. В 1940 году окончила училище и стала работать учителем начальных классов в школе в деревне Великое село. Отработала один год и началась война.

Война есть война. Школы не работали. Всю войну прожила в своей деревне. А когда закончилась, опять пошла работать в школу. Здание осталось цело. Детей было много. Все выжили, все остались.

Почти 25 лет работала в школе. В партию вступила в 1967 году и меня отправили на партийную работу.

- Почему так долго не вступали в партию? Ведь в то время, наверное, все учителя должны были быть коммунистами?

- Агитировали, а я думала, что не справлюсь с поручениями. В 1962 году вызвали в горком. Расспрашивали об успехах на работе. Тогда ведь коммунистом мог быть только тот, кто хорошо работает. Через год приняли в партию.

Потом направили в совхоз «Аврора» на партийную работу. Когда предложили первый раз – отказалась. Не хотела уходить из школы. В зарплате теряла – в школе получала 160 рублей, а там – 130. Ещё два года отработала в школе. Потом уже со мной говорить не стали. Тогда ведь как было: партия сказал – комсомол ответил: «Есть!». Такой был закон. Отказов не могло быть. Восемь месяцев отработала на профсоюзной работе, а потом выбрали секретарём парткома. Оттуда и ушла на пенсию.

- Полюбили новую работу?

- С народом работать всегда приятно! Как только начальство приезжало в совхоз, первый вопрос: «Где парторг?». Сажают в машину и едем на фермы или на полевые работы, на сенокос. Чтобы рабочие были все были вот такие (Анна Николаевна показывает большой палец) - работали честно, добросовестно - это была задача секретаря партийной организации. Выпускали «Молнии» - писали о тех, кто хорошо работает, кто плохо.

- Были сложные ситуации?

- Без сложностей не бывает. Не могу вспомнить.

- Взаимоотношения с начальством всегда складывались?

- Я всегда ладила со всеми. Ни с кем не люблю спорить, ругаться, ссориться. А когда ты ладишь, и с тобой ладят.

- Анна Николаевна, вы же ещё занимались ветеранской организацией в Новоселье.

- Да, ветеранскую работу я только недавно сдала. У меня были все списки, всегда поздравляли юбиляров – кому исполнялось 60, 80 и 90 лет. Накануне звонила Тамаре Николаевне Прокофьевой, она покупала подарок, всегда кто-то из администрации приезжал. Я сама не ездила, ноги болят. Но и от моего имени тоже поздравляли.

Всё время работала, кому-то помогала. Я всю жизнь, сколько живу, кому-то помогаю. Советую. Делом не могу, а словом могу. Что делать, как делать, куда идти, к кому обращаться. И книжка записная со всеми телефонами есть, я и сейчас могу до Путина дозвониться. Все с уважением относились, если позвонила – значит, всё. Моё слово было закон. Так было, так есть и так будет. Частенько перебираю свой архив. Фотографии, Почётные грамоты. Вспоминаю.

- Анна Николаевна, расскажите про военные годы. Вы же были связной у партизан.

- Я только помогала партизанам, собирала продукты: хлеб, картошку, огурцы. Ночью они приходили, я передавала. Всей деревней кормили. В лесу я не была. И немцы приходили в деревню. Один был случай, у нас в деревне оказалась женщина предателем. Прозвище у неё было Бобкина, а фамилия Александрова. Сначала она жила в Малышевой Горе, но там у них дом сгорел, они перебрались в Перницы. Эта Дуня пошла в Борки и пожаловалась немцам, что мы скрываем партизан. Немецкий отряд карателей стоял в деревне Борки. Не той, что у Выскатки, а Борки есть в сторону Доложска. Там, в Доложске, была больница, раньше все лечились, и церковь. Всё красиво было сделано, ещё до революции. Немцы приехали в деревню, прошли по всем домам, осматривали чердаки, подвалы, гумны, риги, амбары. Всё проверили – партизан не нашли. Эту тётю Дуню, немцы были не дураки, хоть и каратели, посадили в машину, увезли обратно в деревню Борки, посадили там в баню на трое суток, потом облили холодной водой и домой отправили. Её сын, дочь и муж куда-то потом делись, а она в нашей деревне так всю жизнь и прожила. Если знаете деревенскую жизнь, должны понимать, что в деревне сосед с соседом дружат, а с ней не общались, ненавидели её все.

- Про партизан тоже разное говорят, что последнее продовольствие у крестьян забирали.

- Нас никто не грабил, мы сами отдавали. Директор школы, Яковлев, был в партизанском отряде. Яковлев – он был в партизанском отряде. Придёт, в окно, которое открывается, три раза стукнет, а пакет уже собран, он забирал и уходил. Сначала мама продукты собирала, потом и я стала. Но это было не с первого дня войны, тогда ещё партизан не было. Это потом уже они стали объединяться в группы. Воевали они с немцами: взрывали железные, шоссейные дороги. В нашем крае, где моя деревня, не было боевых действий, а дальше были. За Рудно, за Вейно, где немцы стояли.

- Анна Николаевна, как сложилась Ваша личная жизнь?

- В 1943 году фашисты стали угонять в Германию каждого третьего трудоспособного в семье. Трудоспособный – кому 14 лет. В нашей семье было трое - мама, я и Тоня, ей уже тогда исполнилось 14. А у меня был парень, Андрей, из соседней деревни. Мы дружили, на танцы бегали,

целовались. Молодость есть молодость. И в его семь такая же история – кого-то могли угнать в Германию. И вот тогда наши мамы договорились, и нас решили поженить. Открыли пустой дом, кровать, стол туда принесли. Я и он ушли из своих семей. Так меня женили. Прожила с Андреем три месяца. Потом все парни из нашей деревни, из других тоже ушли в леса, к партизанам. Это было в апреле 1943 года, а в марте 1944 партизанские отряды расформировали, и всех бросили на защиту города Пскова. Там все они и погибли. Они винтовку держать не умели. Откуда в деревне ружья? Может, могли нажать на курок, выстрелить, а наступать они не могли! А в Пскове серьёзная защита. Немцы хозяйничали там четыре года, накопили громадную силу и оружие.

А потом, после войны, вышла замуж за Виктора. Прожили шесть лет. Он был ранен на фронте, заболел и умер. Вот и вся моя семейная жизнь. Так и живу одна. Ребёнок был, заболел корью и умер. И вся жизнь кончилась.

Солдатская вдова. Из моего поколения никого не осталось. О мужчинах и речи быть не может. Последнюю подругу, Тоню Ефремову из Луговца, похоронили. Больше моего возраста нет. Судьба-судьбинушка. Но, дай бог, всем дожить до моих лет! 29 декабря будет 98 лет. Не пила, не курила, не занималась худыми делами, всю жизнь жила во благо Родины.

Записано 05.07.2019 года.